

«Недавно на наших телеэкранах мы увидели 6-серийную экранизацию романа Вилы Липатова «И это все о нем». Она нас очень заинтересовала. Хотелось бы узнать, откуда пришли на страницы романа его герои! Над чем сейчас работает писатель, что читает, над чем размышляет!

Семья Черкасских».

НОВОСИБИРСК.

Выполняя эту просьбу, с писателем Вилем Липатовым беседует наш корреспондент В. Жегис.

Виль
ЛИПАТОВ:

— Скажите, пожалуйста, Виль Владимирович, как создавался ваш роман «И это все о нем»? Были ли в жизни эти герои — Евгений Столетов, мастер Гасилов, капитан уголовного розыска Прохоров? Или они рождены вашим писательским воображением?

— Я не могу сказать, что у героя романа «И это все о нем» Женьки Столетова есть определенный, живой прототип. Этот образ создавался из отдельных черт разных людей. Ну а случай, о котором говорится в романе, — «забавка наоборот» — был на самом деле. Произошло это много лет назад в Томской области, в одном из отдаленных леспромхозов. Я тогда работал в областной газете «Красное знамя» в качестве заведующего промышленным отделом и много времени проводил в леспромхозах и сплавконтрах. И вот однажды, будучи в служебной командировке, столкнулся с подобным случаем. Ребята-трактористы рассказали мне, что на их участке работает недобросовестный мастер, который сознательно занижает производственные нормы. И вот, чтобы разоблачить его, ребята вышли на лесосеку, работали обычно, нисколько не перерабатывая, а оказалось, что участок перевыполняет норму на 200—300 процентов.

Этим, разумеется, не могли не заинтересоваться общественные организации, и в результате любитель легкой жизни был выведен на чистую воду.

Меня тогда очень заинтересовал и сам этот случай, и в особенности психология молодых трактористов, столь ответственно относящихся к своему труду. И вот, спустя годы, я возвратился к этим событиям. Правда, ни один из тех ребят не похож ни на Женьку Столетова, ни на Бориса Маслова, ни на Андрея Лузгина, ни на других моих героев. Все это потом художественно преломилось в моем авторском воображении.

— Как появился в романе о молодых лесозаготовителях капитан уголовного розыска Прохоров? Это, очевидно, не случайно?

— Конечно. Я уверен, что в наше время, когда существуют огромные психологические и информационные перегрузки, литература должна быть читабельной. И поэтому я решил выбрать для своего повествования якобы жанр детектива, хотя задача была отнюдь не детективная: высветлить образ комсомольца Евгения Столетова. Поэтому Прохоров носит в этом романе как бы «служебный» характер. Однако он у меня вышел за пределы отведенного ему скромного амплуа, и его психологическая характеристика получилась сложной. В романе Прохоров приезжает на следствие очень усталым, ему уже много лет, а он все еще в капитанах; он холост, немножко разочарован в жизни. И слепой забвуч Викентий Алексеевич Радин ему говорит: «Александр Матвеевич, вы когда-то были таким же ярко-красным, как Женька, а теперь вы стали темно-коричневым».

Тут такая мысль: когда-то капитан Прохоров был таким же борцом, как Женька, но

не устоял перед жизненными трудностями, не выдержал и понемножку-понемножку примирился со всем, что у него есть в жизни. А разбирая дело Столетова, Прохоров меняется сам. И тот же Радин замечает: «Александр Матвеевич, вы стали ярко-красным. Как это вам удалось?»

И не случайно Прохоров говорит матери Евгения Столетова, что ее сын его многому научил. Мы вправе предполагать, что капитан Прохоров будет бороться за те же нравственные принципы, за которые боролся он раньше и в борьбе за которые погиб Евгений Столетов.

— А мастер Гасилов? Ведь этот образ у вас несет очень важную смысловую нагрузку...

— Видите ли, я отношусь к числу тех писателей, которые вот уже много лет от книги к книге («Черный яр», «Стрежень» и другие) ведут беспощадную борьбу с мешанством. Я уверен, что это большое зло нашего време-

ни. Дело в том, что рост благосостояния народа открывает перед человеком возможность приобретать вещи. Это само по себе, конечно, неплохо. Но страсть к приобретательству подчас выражается в уродливых формах. А это очень опасно. Ведь в результате может родиться общество потребления, которое страшно прежде всего бездуховностью. Вот Петр Петрович Гасилов как раз и есть такой человек. Для него вещи означают всю жизнь. Он собрал вокруг себя все, что только можно собрать в XX веке, отгородившись от мира коврами, сервантами, глубокими креслами, он в своем мешанском благополучии начинает даже разводить свою философию. У него, например, есть странное хобби. Он купил маленького телескоп, смотрит сквозь него на звезды и философствует о том, как мал человек и как ничтожен он перед смертью, перед вечностью, перед Вселенной. Он считает, что человек обязательно должен суетиться, то есть приобретать вещи. Это очень похоже на высказывание философа Эмерсона, который 100 лет назад сказал, что вещи сели в седло и погоняют человечество!

Современное мешанство, на мой взгляд, страшновато еще и тем, что оно не сразу узнается. Раньше, например, для опознания мешанина было достаточно герани на окнах, канарейки в клетке и т. д. Гасилов гораздо тоньше и потому опаснее. Недавно в романе Женька думает о нем как о мешанине «на электронных лампах», который в своей неуловимости кажется порой даже прогрессивным человеком.

— Что вы можете сказать о телеэкранизации?

— Кино, телевидение — это совсем другое, нежели художественная проза. И нет актеров, которые точно попали бы в авторское видение того или иного образа. Они созданы воображением автора. Зеркального совпадения не может быть. Поэтому всегда больно смотреть на экран, на котором двигаются и разговаривают твоими словами не знакомые тебе люди. С другой стороны — талант актера способен заставить писателя увидеть героя только в облике этого актера. Вот, скажем, моя история с «Деревенским детективом»: Жаров, играя Анискина, оставался Жаровым, но теперь я себе уже Анискина никак иначе не представляю, как в изображении Михаила Ивановича Жарова. И вот скоро пойдет трехсерийный фильм «И снова Анискин», для которого я писал сценарий, имея в виду только и только Михаила Ивановича. Я приспособливал сценарий к его актерским данным — к жаровской улыбке, глазам, к его манере говорить.

О телефильме «И это все о нем» я могу сказать, что, на мой взгляд, режиссеру удалось донести до зрителя главную мысль моего романа. Что касается актерской игры, то и здесь действует та же закономерность, о которой я уже говорил. Скажем, образ Гасилова я теперь вижу в облике только актера Леонида Маркова. Евгений Леонов, очень талантливый актер, играет своего Прохорова. Это его Прохоров. И, навер-

ное, дело телезрителей — принимать его или не принимать. Я таким Прохорова не представлял.

— А ваш последний роман — «Игорь Саввович»? О нем много говорили и писали. Как вы сами оцениваете его?

— Да, действительно, этот роман вызвал полемику на страницах литературных изданий. У меня главное ощущение было такое: меня не поняли. Меня плохо или невнимательно прочли. Потому что большинство рецензентов пишут о том, чего в романе нет. А роман читается довольно просто: это бой инфантилизму, бой тем людям, которые в жизни только получали, а ничего не отдавали, бой людям, которые поставлены жизнью в привилегированные условия. Они постепенно теряют приспособляемость к среде, я бы сказал, остаются безмускульными. И вот Игорь Саввович вследствие всего этого просто заболел. У него депрессия. Он болен оттого, что жизнь ему дается без борьбы, что все он получает готовенькое. В его образе уже есть черты некоего вырождения, очень опасного для общества. Мне кажется, что если бы критики прочли роман под таким углом зрения, я думаю, полемика была бы более крупной, более серьезной.

Почему-то некоторые критики ошибочно считают, что я люблю своим героем, но если внимательно прочесть роман, то видно, что я его жалею. Он жертва, хотя, конечно, должен отвечать за последствия своих поступков. Но я уверен как автор, что после всего, что произошло с ним, он постепенно, пусть тяжело и медленно, но обязательно встанет на ноги, ведь

он человек сильный. Мне жаль, что критика не увидела в романе этого оптимистического вывода.

— А читатели более глубоко вас поняли?

— Да, у меня есть письма читателей, которыми я очень дорожу. В них порой содержится серьезная, но обоснованная критика, глубокая заинтересованность в том, о чем я пишу.

— Не предстоит ли экранизация или телеэкранизация этого романа?

— Нет, он, видимо, сложен и мало событийен.

— А каков ваш круг чтения? Как помогают книги вашей работе?

— Чтение книг писателем — сложный процесс. Совершенно невозможно читать, когда работаешь над вещью. Чтение мешает «переваривать» собственные страницы. Прочитываю в такие дни лишь произведения, опубликованные в «толстых» журналах, чтобы не повторять того, что уже написано другими.

Зато в период, когда я не пишу (а писатель все время работать не может), я читаю все, что могу достать нового, интересного. Обращаюсь к любимым книгам, список которых весьма узок. Мне для «подзарядки творческого аккумулятора» необходимо перечитывать Алексея Толстого, «Бравого солдата Швейки» Ярослава Гашека, «Педагогическую поэму» Антона Макаренки и, конечно, от корки до корки Чехова. В число перечитываемых авторов входят также Бабель и Олеша.

Надо вам сказать, что я как писатель придаю большое значение тому, что читает тот или иной мой герой. Это очень важно для того,

чтобы понять, какой он человек. Вспомните, как внимательно изучает капитан Прохоров, зашедший в комнату Женьки Столетова, его книги, пытаюсь по их выбору угадать его мысли и настроения.

«Продолжая перебирать книги на средней полке, Прохоров видел Женькину непоследовательность, резкую смену настроений: он то хохотал вместе со Швейком, то закладывал промокашку страницы в «Хромом барине»...

— Что в ближайшее время мы прочтем из ваших произведений?

— В четвертом номере «Нового мира» началась публикация моей «Повести без сюжета, названия и конца». Тема — маскулинизация женщин и феминизация мужчин. Впервые я написал повесть, посвященную семейной коллизии. Действие происходит в сибирском поселке.

А в седьмом номере «Знамени» читатели прочтут начало моего нового романа под длинным названием «Жизне Ванюшки Мурзина, или Любовь в Старо-Короткине». Это роман о несчастной любви. Главный герой — тракторист, очень способный парень. Так что, как видите, я сохраняю верность и Сибири, и трактористам.

Кроме того, я начал работу еще над одним романом, но пока сделал еще только первые наброски. Назову его, вероятно, «Лев на лужайке». Это будет мой первый роман о журналистах. Герой романа — молодой, но уже преуспевающий карьерист, конформист, который все подчиняет собственному «я», не считаясь с окружающими людьми и нравственными принципами. Согласитесь, что есть такие и в журналистской среде.

Это очень важно для того,

«Я СОХРАНЯЮ ВЕРНОСТЬ СИБИРИ»